

ИРИНА ЛАЗАРЕВА

#Право_ на_тенирифе

Приезд на остров еще не был
победой над требовательной
и подчас несправедливой
жизнью, победить которую
можно было, наверное, лишь
умерев... Однако они отстаивали
свое право на Тенерифе.
А это было уже что-то.

Роман с хештегом

Ирина Лазарева

Право на Тенерифе

«Феникс»

2020

УДК 821.161.1-311.1
ББК 84(2=411.2)6

Лазарева И.

Право на Тенерифе / И. Лазарева — «Феникс», 2020 — (Роман с хештегом)

ISBN 978-5-222-36063-7

Пронзительно реалистичный роман о четырех подругах с первых страниц погружает читателя в борьбу: кто-то борется с разлучницей, кто-то – с неизвестной болезнью. Пока Юля пытается понять, что происходит с ее дочерью, Алина начинает тихую подпольную войну, чтобы сохранить семью. Юле предстоят нелегкие испытания, пройдя которые она должна ответить на важные вопросы. Почему человек способен покинуть собственных детей? Куда уходит любовь и уважение? Как жить, когда болезнь затягивается и сковывает человека? Герои мечтают о том, чтобы попасть на Канарские острова, но для одних право оказаться на Тенерифе означает «право на место под солнцем», для других – «право на семью». А третьи идут дальше: образ Тенерифе переопределяется в сверхцель, в символ счастья и исцеления. Только кому из героев удастся отвоевать свое «право на Тенерифе»?

УДК 821.161.1-311.1
ББК 84(2=411.2)6

ISBN 978-5-222-36063-7

© Лазарева И., 2020
© Феникс, 2020

Содержание

Глава первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Ирина Лазарева

Право на Тенерифе

© Ирина Лазарева: текст, 2020

© ООО «Феникс», оформление, 2020

© В оформлении книги использованы иллюстрации по лицензии Shutterstock.com, 2020

Глава первая

Так бывает, что одно событие разделяет жизнь человека на две части: все, что было до (навечно милое и невозвратимое), и все, что происходило после (насколько неотвратимое, настолько и отвратительное). До последнего момента Юля ничего не подозревала. Чутье, быть может, что-то и подсказывало, но было слишком сложно угадать, что именно.

За пару дней до болезненного открытия она, как обычно, забрала дочь из школы и везла домой на машине. Их небольшая семья жила в областном городе Б, и школу они выбрали специализированную, с углубленным изучением иностранных языков, поэтому Юле приходилось возить дочку туда и обратно, благо Катя была на продленном обучении.

Антон никогда не помогал ей с ребенком и на редкие просьбы забрать дочь вместо нее, чтобы она могла доделать отчет по работе, остаться на позднюю презентацию, задержаться на встрече, отвечал отказом, не торопясь объяснять причины.

– Что сегодня было в школе? – спросила Юля с привычной теплотой в голосе. Ее большие глаза вперились в подвижные, умные глаза Кати, отражавшиеся в зеркале заднего вида.

– Нам сегодня рассказывали о Древней Спарте, – ответила дочь, оживляясь, – как там младенцев в море бросали, если они рождались хилыми.

– Это вы на уроке проходили? – при всей своей обычной невозмутимости Юля была озадачена. Она через многие вещи уже прошла, особенно в семейной жизни, полной неурядиц и непонимания. В общем и целом ее сложно было удивить. – А зачем?

«Разве Древнюю Грецию теперь во втором классе проходят?» – пронеслось у нее в голове. Подсознательное и оттого неконтролируемое беспокойство чудилось ей во всем, что она делала, думала, в каждом слове, что срывалось с ее уст.

Тут же пришло сообщение в Ватсап от Алины: «Когда будешь? Мы уже собрались», и Юля, пользуясь тем, что на светофоре зажегся красный свет, стала быстро отвечать на него. «Что, муж не мог дочь из школы забрать?!» – пришел ответ.

– Васенкова жаловалась, что не хочет ходить в школу, а мечтает о домашнем обучении – home schooling. Слышала про такое? – продолжала Катя.

И снова мессенджер: «Что можно поесть? Или опять нечего?» Муж. Юля стала торопливо отвечать и ему, уже начав движение на зеленый свет. Быстро дописав сообщение, она положила телефон на переднее сиденье. Через минуту телефон вновь провибрировал, но она не могла посмотреть, кто и что писал, поскольку движение после шести было плотным.

– Тогда Валентина Ивановна сказала, что у нас в школе еще хорошо к детям относятся, а в Древней Спарте очень плохо, слабых не терпели. Всех заставляли жить отдельно от родителей с 7 лет. Представляешь?

Юля улыбнулась и посмотрела на Катю в зеркало заднего вида. Уголки ее губ невольно опустились: Юле показалось, что белое лицо девочки стало еще круглее, чем было утром. Впечатлительная дочь продолжала ей что-то рассказывать о Древней Спарте и их системе воспитания, но та уже не слушала ее.

– Катя, у меня сегодня не будет времени посмотреть твой пищевой дневник, – перебила ее Юля, – поэтому расскажи сейчас сама, что ты ела в школе?

– А почему, куда ты сегодня пойдешь? – заинтересовалась Катя.

– Встречаюсь с подругами, – ответила мать. – Так что ты ела сегодня?

– Как обычно, – торопливо заговорила девочка, – все, что давали в столовой: суп с фрикадельками, картофельное пюре с рыбой.

– Хлеб ела?

– Да.

– Сколько?

– Один кусок.

Снова загорелся красный свет. Юля взяла телефон, чтобы прочитав сообщение, которое, как оказалось, пришло от супруга: «Что за глупости, конечно, люблю тебя». И это в ответ на ее описание содержимого холодильника.

– Не верю, наверняка больше! – продолжала допрос Юля немного дрогнувшим голосом. – Скажи правду, ругать не буду. За ложь поругаю, но не за правду.

– Мама, ну правда, не ела больше! – почти выкрикнула Катя. – Мама, а если бы я родилась слабой, ты бы меня бросила?

– Что за глупости ты говоришь, – Юля ответила немного устало. – Мы не в Древней Спарте живем. Ты ела что-то еще, кроме хлеба? Булочки? Печенье? Может, кто-то шоколадкой угостил?

– Честное слово, ничего не ела. Как ты мне велела, я так и делаю; вот Танька Кострова принесла сегодня конфеты, и все подбежали к ней, просили по одной, а кто-то и по три успел отхватить, пока не кончились. А я не стала просить, потому что ты мне запретила. Хотя мне и хотелось. Ну а почему бы ты не оставила меня? А если бы мы жили в Древней Спарте, тогда бы оставила?

– Разумеется, нет, – ответила Юля, – я бы лучше сбежала бы из этой твоей Древней Спарты в другой город, но ребенка бы никогда не бросила.

– В какой бы город ты сбежала?

Юля вздохнула, не услышав дочь.

– Ничего не понимаю, – сказала она вслух. – Ты уже несколько дней ничего вредного не ешь, отчего тогда такая прибавка в весе? Вес как минимум должен был остановиться. Ты точно не обманываешь меня, точно ничего запретного не ешь?

– Ничего! – выкрикнула Катя, которой вконец надоел этот допрос.

Юля пыталась понять, что ей делать; извечная дилемма любой матери встала и перед ней. Повести дочь к врачу? Но к какому? Гастроэнтерологу? Эндокринологу? К педиатру уже ходили, она не сочла нужным беспокоиться, да и направления ни к кому не дала, даже к тому же гастроэнтерологу. Обратиться платно к диетологу? Но разве бывают детские диетологи?

Врач по ОМС ничего не увидит, да и осматривать толком не будет. Врач в частной клинике будет ненамного лучше; контактов хорошего доктора у Юли не было ни по одной специализации. К тому же она уже давно поняла, что в большинстве случаев визит к детскому врачу не только бессмысленный, но и вредный: причину проблемы никогда не установят, а следовательно, никогда не пропишут нужных лекарств, зато выпишут много бесполезных препаратов.

Тем временем Катя за последние две недели из девочки тонкой и звонкой, как струнка, превратилась не в колобка конечно, но в девочку не по годам упитанную. Часть вещей внезапно стала мала, некоторые из них буквально трещали по швам. Разве мог здоровый ребенок так поправиться за две недели?

Вот уже показались знакомые четыре березы, тоскливо стоящие вдоль дороги перед поворотом во двор. Напротив их дома тянулись некрасивые потрепанные нежилые здания с такими крошечными окнами, словно тем, кто работал там, не нужен был солнечный свет. Настроение, и без того неважное, окончательно испортилось.

Впереди были выходные, и уже все равно ни к кому на прием не записаться теперь; оставалось только ждать понедельника. И потом, уже было шесть часов вечера. Юля припарковала машину недалеко от подъезда голубого многоэтажного дома, построенного, судя по трещинам в панелях и выцветшей краске, лет тридцать назад. Катя выскочила из машины в расстегнутом пальто.

– Застегни, – сказала Юля, – еще не май месяц.

Катя начала медленно застегивать пуговицы. Одна из них шла с трудом. Лишь только девочка ухитрилась протолкнуть ее в петлю, пуговица оторвалась от пальто и упала на грязный асфальт. Катя подняла пуговицу, положила ее в карман и зашагала к подъезду.

Юля же не могла сдвинуться с места. Эта пуговица и горизонтальные складки, идущие от вытачек на Катином пальто, которые она сейчас внезапно заметила, – все говорило о том, что оно уже еле застегивается. С Катей было что-то не так. Но что именно?

Дома Юля быстро переделалась, расчесала еще раз русые волосы – не очень длинные, едва касавшиеся плеч, – напонила Кате снова, чтобы та не ела сладости, и побежала к подругам; они встречались сегодня у Алины. Когда она уже села в машину, телефон стал звонить. Это был муж.

– Да, Антон, – она удивилась, ведь они только что виделись дома.

– Ты куда собралась? – послышался его удивленный голос.

– В смысле куда? – Юля начала волноваться. Неужели он опять забыл? – К Алине в гости, я ведь тебе заранее говорила. И утром напонила.

– Так ты все-таки пойдешь! – ответил он сухо. – Хм.

Повисла пауза. Ей казалось, что она слышала, как он недовольно дышал в трубку. На мгновение почему-то подумала, что он должен остановить ее, пока не поздно, потому что не о подругах нужно сейчас думать, а о ребенке. И он будет прав. Но Антон и не думал об этом.

– Ты что хотел-то?

– Я хочу на боулинг с друзьями поехать.

– А почему именно сейчас? Я с девочками давно договорилась. Давай в следующий раз.

– Можно, конечно, но ведь я завтра в командировку уезжаю на два дня. Теперь только через неделю.

– Ну и что ты предлагаешь? – спросила устало Юля.

– Пусть Катка сама посидит. Она уже большая, ей няньки не нужны. Или маму свою позови.

– Как хочешь, так и делай. Маму я звать не буду, тебе нужно – ты и зови.

– Тебе что, сложно позвать?

– А тебе сложно слово держать? Обещал, что посидишь дома сегодня.

– Сегодня пятница, почему это я должен дома сидеть? Я всю неделю работал!

– Удивительно, а я не работала?

– Работала, – засмеялся Антон. – И много ты там заработала? – Муж был убежден, что работа бренд-менеджера сводилась к тому, чтобы, как он говорил друзьям при любом удобном случае, «бумажки перекладывать». При том, что они столько лет были вместе и Юля много раз пыталась объяснить ему, как он не прав, ничего в его отношении не менялось. Он занял удобную позицию, с которой мог легко унижать ее, и это его вполне устраивало.

– Достаточно, – ответила сердито Юля. Она давно бросила попытки что-то объяснить этому человеку. – Это все? Я поехала.

– Машину мне оставь. Тебе до Алинки можно на автобусе доехать.

– Давай ты сам на автобусе поедешь?

– Так ведь боулинг в центре, на автобусе две пересадки. Только на такси ехать.

Юля видела, что Антон вышел на балкон в одной футболке и стоял на ветру, провожая ее холодным взглядом. Невозможно было даже на миг поверить в то, что вся эта сцена была затеяна без какого-либо умысла. Каждый раз, когда Юля пыталась «выйти в свет», а случалось это крайне редко, он устраивал скандалы, чтобы, казалось, целенаправленно испортить жене настроение. И теперь ему это удалось вполне. Юля выскочила из машины и хлопнула дверью со всей силы. Тут же ей стало жалко машины, ведь ее вины в том, что Антон не умел радоваться за своих близких, не было.

Она побежала на автобусную остановку. Минут через двадцать пришел автобус, битком набитый людьми, Юля с большим трудом втиснулась, но ей пришлось, стоя на одной ноге, висеть над ступенями, потому что места для другой ноги не было. Хорошо хоть руками доставала до поручней. Каблуки, которые она надела, потому что не знала, что поедет своим ходом, оказались в автобусе совершенно неуместными.

Через час она была наконец у Алины. Новый дом в элитном комплексе с входом по пропускам, с тихим двором, где не было дорог, а были только скверы и детские площадки, одним своим видом разгонял тоску. Добротный кирпич дома, в целом продуманная архитектура комплекса, широкие пандусы для колясок, грузовые лифты и ровная плитка дорожек словно указывали на то, что именно здесь и обитали люди, умеющие жить по-настоящему и баловать себя.

На пороге квартиры ее встретили подруги. Алина в черном платье-мини с томным видом смотрела на нее, снимающую пальто и обувь на пороге. Юля заглянула в зеркало: волосы растрепаны ветром, и без того скромный макияж поплыл из-за духоты в автобусе.

По сравнению с ухоженной Алиной с перманентным макияжем и наращенными ногтями она смотрелась особенно грустно, даже блекло, хотя со старших классов и слыла поистине славянской красавицей: с густыми русыми волосами, мягким темным контуром бровей и небесно-голубыми глазами.

Сейчас в их лазури была растворена грусть, а правильные черты миловидного лица уже начинали опадать, главным образом из-за привычно опущенных уголков губ. В чертах ее не было более свежести, не было предвкушения радости, столь свойственной наивной молодости, которая тем и отличается от зрелости, что всегда верует в следующий день, каким бы ни был день нынешний. Нет, верить было не во что, лучшие ее годы были позади. Все вокруг знали об этом: ее мать, ее муж, ее подруги. И она понимала это и давно примирилась с неприятной мыслью.

Теперь, когда все повально бежали к мастерам по татуажу дорисовывать брежневские брови, широкие стрелки, а также расширять контуры губы, естественная красота, что еще оставалась в Юле, уже казалась не достоинством, а скорее наоборот: недостатком, признаком того, что она не занималась своей внешностью.

Марина, хотя и была старше их всех и не обладала столь внушительными средствами, как Алина, казалось, не желала ни в чем уступать той. Всегда ухоженная, с образом, проработанным до мелочей – будь то шарф, украшения или жилет, она создавала впечатление женщины, уделяющей исключительно много времени своему внешнему виду. Казалось, она с вечера готовилась к завтрашнему дню, наглаживала наряды, придумывала, как и что с чем сочетать.

У Марины было две крайности, часто идущие в женщине в паре: в зависимости от настроения она могла быть женщиной-праздником, с которой все легко, обиды забыты, прошлого нет, есть только настоящее, солнечный радостный миг – а могла быть ехидной, саркастичной, подмечающей все дурное и даже недурное таким тоном, что и оно казалось недостатком. От чего зависели перемены ее настроения: от ее цикла, Луны, погоды, магнитных бурь – никто не знал. Однако подруги готовы были забыть и простить самые неприятные и колкие ее слова, лишь только она переходила в состояние женщины-праздника: столь много заразительной радости оно приносило с собой, преображая сразу все вокруг.

При взгляде на Женю Юля немного справилась с небольшим напряжением от встречи с красивыми подругами. Женя была не только яркой противницей всего, что навязывала мода, телевизионные передачи и глянцевого журналы, но, вдобавок ко всему, не признавала никакого другого стиля в одежде, кроме православного. Она всегда носила длинные юбки и платья, купленные не в бутиках, а в сомнительных магазинах, торговавших явно залежавшимся товаром, чем, конечно же, значительно старила себя.

Светлые брови сливались с кожей, и лишь русые волосы могли бы украсить лицо, но они всегда были спрятаны под платок. Стоит ли говорить, что она не признавала ни крема для лица,

ни декоративной косметики. Блеклый взгляд ее невыразительных глаз временами напоминал окна с заколоченными ставнями, через которые не проникает свет.

– Явилась наконец, – вздохнула немного манерно Алина, пока Марина и Женя кинулись обнимать Юлю, – у тебя что, по дороге машина сломалась? Мы уже всю диету нарушаем, а ты никак доехать не можешь.

– Благоверный, поди, как обычно подвел, – сказала язвительно Марина. Едкий взгляд ее быстрых глаз, казалось, следил за каждым мускулом на лице Юли.

– Долгая история, – уклончиво ответила та. Она неловко улыбнулась, потому что с давних пор не обсуждала поведение мужа ни с кем, но не умела правильно пресечь вопросы. – Ух ты, суши, как же мне вас не хватало! – воскликнула она, когда прошла в просторную кухню-гостиную. На столе стояла уже открытая бутылка вина, суши и роллы всех видов: от жареных и холодных до сладких для десерта.

– Столько денег потратила, – кивнула Женя на Алину, – я бы сама наготовила всего, и на три таких стола хватило бы.

– Ой, Женька, расслабься, тебе ли кашеварить с твоими-то сорванцами? – сказала Марина, усмехаясь. – Наслаждайся моментом, и так редко видимся.

– Да она просто не фанат японской кухни, – сказала Алина, – в ней же нет салата оливье и холодца.

– С такой компанией, – Женя ответила просто и стала накладывать себе роллы, – и японская кухня хорошо пойдет.

– Алина, а где дети сегодня? – поинтересовалась Юля.

– Муж отвез к родителям в их коттедж. Обещали присмотреть. Да и смотреть-то, по правде, нужно только за Марьяшей, Феде уже семь лет, сам по себе, дай только планшет в руки – и он потерян для общества.

– Значит, на выходных у вас романтика здесь будет? – усмехнулась Марина.

– Ага, если только Костик вернется. Ты же знаешь, дом его родителей как болото засасывает: то бассейн, то сауна. Барбекю наверняка будут делать.

– Что же ты сама не поедешь завтра? – спросила Юля.

– Так мы с детьми на прошлых выходных там оторвались! Без Кости, правда: он остался дома работать. И потом, в кои-то веки его родители сами предложили с детьми посидеть. Я лучше отдохну, уж найду чем заняться. Сто лет в салоне не была.

Все подружки разом переглянулись и засмеялись. Смуглое лицо Алины с красивыми, немного восточными глазами расплылось в младенческой улыбке. Все в ней было притягательным: каждая мягкая черточка полурусского, полутатарского лица, каждый жест, каждое гладкое движение плеч, каждое слово.

Глядя на нее, было трудно поверить, что мужчины, раз видевшие ее, могли любить других женщин, кроме нее. Юле всякий раз при встрече казалось, что их мужья должны быть втайне влюблены в Алину. Как это было по-детски! Но именно так неуютно она себя чувствовала рядом с подругой.

– Чего вы ржете-то? – спросила Алина. – Действительно давно не была.

То ли вино начало действовать, то ли и впрямь невинная уверенность Алины в том, что она говорила, так всех развеселила, но хохот только усилился.

– Ты когда успеваешь утомляться-то так, что с семьей за город неможется поехать? – спросила Юля. – Марьяна в частный детский сад ходит, Феденька в школу. Ты целый день сама себе хозяйка.

– Ну да, как будто это так просто – быть домохозяйкой! Столько дел нужно переделать, – пожала плечами Алина. Было видно, что она уже немного раздражена их намеками. – А я сейчас еще кое-что сделать хотела... Но вам не скажу, раз вы такие вредные.

– Ой, я знаю, тебе осталось только грудь сделать! – воскликнула Женя.

– Почему только грудь? – удивилась Юля. – Алина у нас еще очень натуральная, по сравнению с большинством элитных женщин. Только брови и ресницы, да ногти. Вы и представить себе не можете, куда мир катится! Сейчас в моду вошла операция по удалению щек и вкачиванию силикона в скулы. На работе одна девушка сделала себе.

Алина невольно зарделась, слушая, как все с хохотом стали обсуждать эту, по их мнению, совершенно нелепую процедуру.

– Это вместо щек дыры что ли будут? – засмеялась Женя.

– Да нет, – перебила ее Марина, показывая пальцами на своем лице, как это выглядит, – щеки впалые делают, жир из них выкачивают.

– Но зачем??? – вскричала Женя, и они снова захохотали.

Увидев наконец, что Алина покраснелась, Юля ахнула.

– И ты туда же! – воскликнула она. – Нет, прошу тебя, не измывайся над собой! Это выглядит не просто смешно, а жуть как некрасиво! Не трогай свои щеки!

– Не слушай ты их, – неожиданно вступилась Марина, – делай что хочешь, а мы все тебе просто по-доброму завидуем. Если бы кто-то из нас мог не работать, уверена, воспользовался бы такой возможностью.

– Так я ведь тоже не работаю, – возразила Женя, – хотя не могу сказать, что муж много получает.

– Ты не работаешь? – возразила Марина. – У тебя три маленьких мальчика, ты работаешь больше всех нас и наших мужей, вместе взятых. И вообще, у вас ведь сверхзадача – родить отряд молодых мужчин. Да и по-честному, тебе никто не помогает с твоими: ни муж, ни бабушки, ни тем более няни. К тому же для вас трое не предел...

Женя немного смутилась, а Марина продолжала:

– А что тут скрывать? Как будто мы не знаем, что вы на трех пацанах не остановитесь. Православие и все дела.

– Я считаю, роль матери и домохозяйки сильно недооценена нашим обществом, – ответила Женя, – уж на что я православная, но с большим уважением отношусь к европейским отцам, которые все чаще занимаются детьми наравне с женщинами.

– Спорить не буду, – сказала Марина, – сравнить не с чем. Иногда думаю: и хорошо, что у нас детей нет. Не выдержала бы, как мой на диване лежит вечером и в телик пялится, пока я разрываюсь между пеленками, какашками и орущими детьми. Точно бы бросила его.

– Да ладно! – махнула рукой Юля. – Сколько раз ты его уже бросала!

– Любить не люблю, а отвязаться не могу, – парировала Марина, уже изрядно захмелевшая, словно намекая на то, что для чего-то муж был ей еще нужен.

– Не знаю про европейских мужчин, а Костик мой труд ценит. И он прекрасно знает, сколько сил и времени нужно женщине потратить, чтобы сохранить свою красоту, – сказала Алина. Она любила хвастать, знала за собой эту дурную черту, но ничего не могла с собой поделать. Без этого не было бы никакого смысла в том, чтобы обладать большим состоянием, чем у других. – Он может в любой момент сделать мне подарок без единого повода. Я недавно на его полках нашла опять. Видимо, ждет удобный момент, чтобы подарить.

– Покажи, хоть порадуемся за тебя, – сказала Марина.

– Нет, ну что вы, это просто кольцо, – сопротивлялась Алина.

– Да ладно, Алин, покажи, – стали упрасивать они все вместе, поддавшись любопытству, – мы видимся все по праздникам, если сейчас не покажешь, то в следующий раз уже и не вспомним, и не увидим.

Алина закатила слегка недовольно глаза, но встала и пошла в спальню. Подруги последовали за ней. Кто-то из них покрутил диммер и включил неяркий свет. В большом встроенном шкафу на всю стену отсек Кости был у самого окна. Алина достала из-под одежды мужа длинную бордовую бархатную шкатулку. В этот момент Женя отодвинула шторы вместе с тюлем.

– Как не люблю, когда окна занавешены, ощущение, как будто в коробке замуровали, – промолвила Женя. – Слушай, а что это, у вас такие игры что ли? Не боитесь, что дети найдут?

Алина даже не успела раскрыть футляр с колье. Она обернулась к окну и посмотрела туда, куда показывала рука Жени: на трубе радиатора было намотано что-то тряпичное цвета фуксии.

– А что это? – изумилась она.

– В смысле что? – ответила Женя. – Труссы, твои же. Ты забыла про них?

Алина брезгливо размотала их, они оказались туго привязанными. Она держала их за самый край так, будто это было... совсем не ее белье. Дешевое кружево токсичного цвета со стразами дрожало в воздухе, потому что Алину начало трясти.

– Ого, какие у вас игры... – начала было Марина, но тут же осеклась, увидев, что Алине нехорошо.

– Это что за глупый прикол? – спросила Алина внезапно охрипшим голосом. Глаза ее помутнели. Казалось, она смотрела на них, но не видела никого. – Вы решили разыграть меня?

Подруги переглянулись с непониманием. Марина подскочила к Алине и взяла ее за плечи.

– Успокойся, деточка, – сказала она как можно мягче, – наверняка есть какое-то глупое объяснение этому.

Они усадили ее на край кровати и сели сами рядом.

– У тебя самой точно таких трусов не водится? – спросила Женя. – Может, это твои старые, дети достали из ненужных вещей и играли. Марьяша могла с куклами играть.

– Нет, – замотала головой Алина, – я все свое белье хорошо помню, все старое выбрасываю всегда, а дети в нашей спальне не играют давно уже. Таких блевотных трусов у меня никогда не было. Это точно не дети!

– Может, это Костик так пошутил? – выпалила Женя. – Сейчас, конечно, не апрель месяц, но мало ли.

– Он ведь из дома работал на прошлых выходных, – вдруг задумчиво произнесла Марина, – а вас не было.

– Ну и что, человек не имеет права из дома поработать, что ли? – шикнула на нее Женя.

– Работать-то право имеет, а вот стринги со стразами рвотного цвета привязывать на батарею – нет.

– Стоп, нужно что-то выпить, так нельзя, – сказала Юля.

Они все перешли обратно в гостиную, где усадили Алину на диван. Юля заботливо подала ей бокал вина, но та замотала головой, показывая пальцем на барную стойку. Марина быстро подскочила к столику и извлекла из миниатюрного винного шкафа Костин коньяк.

Семейная жизнь подруги вдруг повисла на волоске, а вместе с ней и ее финансовое благополучие, и ее уверенность в себе как женщине. И вместе со всем этим – и их, их вера в то, что в этом несправедливом мире, который их троих в чем-то обделил (каждую по-своему), еще была возможность другой жизни, совершенного счастья, исполнения всех желаний, возможность супружеской верности и преданности. Все это покачивалось на тонкой нити и вот-вот должно было упасть, чтобы разлететься на тысячи острых кусков.

Счастье было скудным до времени и всегда, всегда приходило в дом с таймером. Ровно по звону таймера оно и уходило. Время вышло и у Алины.

Через час Алина была изрядно захмелевшей, но ее уже почти не трясло. Даже Женя, которая никогда не пила, позволила себе рюмку. Они целиком погрузились в обсуждение этой, как казалось, тяжелой проблемы, судьбоносной, ломающей теперь всю жизнь подруги и ее детей. Ничего не могло быть серьезнее такого испытания. За один день было разрушено

все вместе построенное, и среди жалких обломков нужно было отыскать теперь хоть что-то уцелевшее, хоть какую-то точку опоры.

– Вспомни, – говорила Марина, – что было, когда вы приехали в воскресенье вечером? Было ли что-то необычное в его поведении? В самой квартире?

– Не знаю, мы так поздно приехали. Единственное, он Лену, домработницу, вызывал зачем-то. Хотя она по вторникам и пятницам приходит. Сказал, что как-то слишком грязно стало, попросил дополнительно прийти.

– Сколько ей лет? Молодая?

– Нет конечно, я же не дура, – ответила Алина. – Ей пятьдесят три года.

– В воскресенье ночью Костик к тебе приставал? – продолжила расспросы Марина.

– Нет, легли спать, он и не вспомнил, что можно что-то замутить.

– А ведь вы две ночи не спали вместе, – задумчиво сказала Марина.

– Ну, это вообще не аргумент, – перебила ее Юля, – он работал в выходные, устал от семидневки.

– Если работал, – поправила ее Марина. – Домработницу-то зачем вызывал? Боялся, что ты пронюхаешь, что дома была другая женщина? Следы заметал?

– Может, прежде чем мы Константина обвиним в столь страшном грехе, – вступилась раздраженно Женя, до того молчавшая, – Алина его спросит сначала? Оговорили человека, а он ни сном ни духом.

– Ага, спроси поди, – огрызнулась Марина, – ни один мужчина по доброй воле не сознается, что у него интрижка на стороне. Разве только под пытками.

– Ну, тебе виднее, – отступилась Женя, – ты у нас профессионал в этом деле.

– Лгать не устать, было б кому слушать, – парировала Марина.

– А я разве лгу? Чуть только Алина заподозрила мужа, так ты уж сразу ей на уши и села. Подруга называется!

– Да уж, дружба дружбе рознь, иную хоть и брось, – ответила Марина.

– Нет-нет, – овладевая собой, внезапно заговорила Алина, – Маринка права. Я давно подозревала, что что-то не так. Он на фитнес в кои-то веки пошел, по вечерам два раза в неделю. Спортивные вещи сам в стирку бросал каждый раз. Я однажды хотела достать их вместо него, он аж из соседней комнаты прискакал, вырвал у меня и понес их, запустил машинку. Сказал, что вещи потные, вонючие, чтобы я не нюхала. А ведь он никогда чистоплотностью не отличался! Я и сама давно подозревала, что фитнес на его фигуре никак не отражается. И потом, эти командировки его частые на выходных, внеурочная работа. – Юля, слушая последние ее слова, опустила глаза. Руки нащупали телефон, лежавший под боком, открыли Ватсап, чтобы прочитать последнее сообщение от Антона: «Что за глупости ты говоришь, конечно, люблю тебя».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.